

Лев Гурский

Корвус Коракс

Роман

Москва
2019

УДК 821.161.1.0
ББК 84(2=411.2)6
Г95

Художник
Валерий Калныньш

Лев Гурский

Г95 Корвус Коракс : роман / Лев Гурский. — М. : Время, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-9691-1880-5

Место действия романа — сегодняшняя Москва, где отсутствует интернет, нет компьютеров, мобильных телефонов и даже телевидения, зато есть Большой Грязный Секрет. Его хранители думают, что сумели скрыть правду о прошлом. Они надеются сохранить в тайне то, что может произойти завтра. Но кое-что они упустили... Новый фантастический детектив Льва Гурского, автора бестселлеров «Убить президента» и «Перемена мест», — не мрачная антиутопия и не роман ужасов. Наоборот, это весело и совсем не страшно. Поначалу. Ведь все самое неприятное имеет обыкновение подкрадываться к нам внезапно — и оттуда, откуда его не ждешь.

ББК 84(2=411.2)6

ISBN: 978-5-9691-1880-5

9 785969 118805

© Leo Gursky, 2019
© «Время», 2019

Издательство не несет ответственности за беспочвенные
фантазии автора.

Автор не несет ответственности за случайные
соппадения имен и фамилий персонажей, а также
названий городов, стран и континентов.

Таким образом, вся ответственность в полном объеме
ложится на читателей этой книги.

Посвящается моей жене Лене.
Спасибо, что не боишься.

ОТ АВТОРА

Представьте, что в 1876 году Александр Грэхем Белл *не* изобрел телефон. В 1877 году Томас Альва Эдисон так и *не* сумел записать человеческий голос. В 1895 году так и *не* состоялся первый киносеанс братьев Луи и Огюста Люмьер. В том же году ни Гульельмо Маркони, ни Александр Попов, ни многие другие *не* придумали беспроволочный телеграф. В 1923 году Владимир Зворыкин *не* подал патентную заявку на телевидение... Думаете, в XXI веке мир со столькими технологическими «*не*» сильно бы отличался от того, к которому все мы сегодня привыкли? Наверняка отличался бы. Но не уверен, что сильно...

Глава первая

ЗАЙКА В ПЕРЬЯХ

Сделаем глубокий вдох. Теперь выдох. У музыкальных магазинов — больших, малых или средних, как этот новый, на Охотном Ряду, — есть общая примета: все они воняют. Этот запашок, если постараться, можно перебить крепкими духами, но я не припомню, чтобы хозяева подобных заведений тратились на парфюм. Ну и не надо. Такие мелочи здорово облегчают мою работу.

«Иннокентий, не верь глазам своим, — говорит обычно мне шеф. — Верь носу. Из всех органов чувств его обмануть труднее всего».

Прежде чем нанести визит в свежеоткрытый магазинчик «Сиди и слушай», я вдумчиво обнюхал близайшие к нему дворы. Не то, не то, опять не то... Секундочки! Вот здесь, похоже, оно самое. Умница нос не подвел. Метрах в пяти от витрины новой музыкальной лавки, между киоском «Роспечати» и полосатой будкой «Би-Лайма», обнаружилась малозаметная арка, прикрытая чугунным кружевом ворот. Замка на воротах не было, а запах, наоборот, был.

В сумрачном внутреннем дворике за аркой громоздились по углам десятки пустых фанерных ящиков без официальной таможенной маркировки — очень приметная

тара. К здешнему запаху прибавились и сопутствующие звуки откуда-то сверху: шелест, щелчки, обрывки известных мелодий и неразборчивый, но явный вокал. Типичный склад пиратской аудиопродукции. С отдельным входом, он же аварийный выход. Что и требовалось доказать.

Я вновь вернулся на улицу, извлек из бокового кармана плаща заранее заготовленный карандаш и, воровато оглядевшись, поплотнее вбил его в пустую замковую скобу ворот. Для страховки. Дерево, понятно, не сталь, но всякого, кто пожелает сегодня вынести отсюда товар, такой фокус задержит минут на пятнадцать.

— Здрасьте! — сказал я, открывая дверь в магазин.

За овальным прилавком у подножия лестницы, ведущей на второй этаж, скучал белобрысый продавец, по виду — мой ровесник. Он бросил на меня пристрелочный взгляд, не нашел во мне ничего сколько-нибудь достойного внимания и лениво процедил: «Здра...»

Эх, дилетант. И это называется конспирация? Оглянись, дурачок! Где твоя учтивость? Где непременная спутница бизнеса — маска фальшивой приветливости? Разве в твоей лавочке есть, кроме меня, другие посетители? Разве ты не должен сейчас вокруг меня хип-хоп отплясывать, лишь бы я хоть что-то здесь купил? Вместо этого у тебя, дружок, на лбу крупными буквами написано одно пожелание: ШЕЛ БЫ ТЫ ОТСЮДА! Ну-ну. Допустим, я не понимаю тонких намеков.

— Сольник Киркорова у вас почем? — бодрым тоном спросил я.

— Три пятьсот, — буркнул белобрысый.

— А чего ж так дорого? — разыграл я удивление.

— Потому. Что. Подарочное. Издание, — с недовольством чеканя каждое слово, ответил продавец. — Импортный. Носитель. Плюс. Дизайн. Футляра. От. Тёмы. Лебедева. Плюс. Кристаллы. Сваровски.

— Может, у вас есть то же самое... э-э-э... на наших носителях?

— Филиппа. Бедросовича. На. Отечественных. Не. Пишут. Фирма!

— Жа-а-а-аль, — протянул я. — На отечественных ябы, пожалуй, взял, причем не один, а мелким оптом, сразу десяток. В Жулебине у нас народ простой, за кристаллы и за Тёму платить не хотят...

В детстве пятилетний мальчик Кеша верил сказкам про единственное волшебное слово «пожалуйста». С годами приходят и новые знания. Теперь, когда мальчику уже двадцать пять, в запасе у него сразу несколько таких заветных слов. И «оптом» — важнейшее среди них.

Впервые за весь наш разговор в глазах продавца мелькнул проблеск интереса. Так-так-так, искру я заронил. Если действовать с умом, можно раздуть костерок. Я включил на полную мощь самую честную из своих улыбок. «С такой-то мимикой тебе, Иннокентий, надо было не к нам идти, а сразу в наперсточники, — говорит шеф в минуты раздражения. — Или строить финансовые пирамиды. Реальные, между прочим, бабки мог бы сейчас заколачивать шутя и играя».

— Десяток... десяток... — вслед за мной повторил белобрысый.

Я видел, как он колеблется. Открылись они только что — значит, новая клиентура нужна позарез. Но не с улицы же ее брать?

— А может, и больше, — продолжал я искушать белобрысого, — и намно-о-о-ого больше. Как договоримся с вашим главным. Музыкалка в Жулебине уходит неплохо, все зависит от начальной цены.

Продавец просверлил меня взглядом, в котором сомнения и согласия было пятьдесят на пятьдесят. Вот он, момент истины: сейчас меня либо к сердцу прижмут, либо на фиг пошлют. Ну же, выбирай сам. Давить я на тебя не стану — на первом этапе сильный нажим подозрителен. Но там, где наваливаться опасно, можно чуть-чуть, в одно касание, подтолкнуть. Без слов. Ответить на его взгляд улыбкой Хорошего Парня, Которому Можно Верить Запросто.

Чаши весов дрогнули. Продавец развернулся к лестнице, задрал голову — туда, где за перилами виднелась дверь, — и проорал:

— Дядь Жень! Тут человек пришел, Киркоровым интересуется!

Минуту-другую ничего не происходило. Но затем дверь все же приотворилась — ровно настолько, чтобы оттуда могла высунуться голова. Рыжая, лет пятидесяти, с большой центральной залысиной.

— В количестве? — спросила голова, рассматривая меня сверху.

Вместо ответа я показал ему две растопыренные ладони.

— Поднимайтесь ко мне, обсудим, — позволила рыжая голова.

Клонуло! Первое собеседование и фейс-контроль я прошел и, стало быть, допущен к менеджеру. В такие минуты чувствуешь себя не скромным работником ФИАП, а почти самим великим асом Фишером.

От радости мне хотелось преодолеть лестницу в два прыжка. Но я сдержал себя и поднялся на третий этаж степенно, с достоинством оптовика, пускай и мелкого. Неподалеку от лестницы виднелась дверь без опознавательных знаков. Рыжий, распахнув ее, пригласил меня войти. На обстановке здесь явно сэкономили. Комната-коробка была оклеена дешевыми обоями василькового цвета и обставлена небогатой офисной мебелью: три шкафа, три стола и два стула. Один стол был завален пожелтевшими проспектами, два других занимали образцы товара — сплошь лицензионные.

Я, собственно, и не надеялся увидеть контрафакт сразу. Пока меня допустили не на склад, хотя и он, я чувствовал, находится где-то рядом, едва ли не через стенку. У всякой уважающей себя пещеры Али-Бабы есть предбанник — последний рубеж на пути к сокровищам.

Рыжий хранитель пещеры любезно указал мне на один из стульев. Сам же присел на край стола с образцами и представился:

— Евгений Петрович. Это для начала. На Петровича или дядю Женю буду отзываться, как только мы с тобой

подружимся... Кстати, а у тебя, добрый молодец, есть какое-нибудь имя?

— Иннокентий Викторович, — в тон ему ответил я. Вместо Улыбки Хорошего Парня я уже приkleил к лицу Улыбку Взрослого Делового Человека. — Пока где-то так. Не знаю, как там насчет дружбы, но если сойдемся в цене, сможете называть меня просто Кэш.

Евгений Петрович, а в будущем дядя Женя, принял мое нахальство к сведению и сделал ответный ход: пододвинул ко мне все то же подарочное издание Киркорова, которое я заприметил еще внизу.

Носителем фонограммы был тут белоснежный австралийский какаду с кривым черным клювом, блестящими глазами навыкате и ярко-желтым хохолком. Внешне птица чем-то напоминала самого певца — когда бы Филипп Бедросович пожелал наконец объединить в один ансамбль строгий, без изысков, концертный фрак и раскрашенный панковый гребень на выбритой макушке. Для красавца попугая его клетка-дворец с позолоченными прутьями и крупной бижутерией по окружности донышка выглядела перебором. Будь домик поскромней, птица в нем смотрелась бы куда эффектней. Зря, по-моему, звезды шоу-бизнеса доверяют дизайн Тёме Лебедеву. Заказчики клюют на раскрученный бренд, а хитрый Тёма над ними прикалывается.

— Вот, пожалуйста, фирменная запись с концерта Филиппа в Доме Союзов. — Менеджер тряхнул остатком рыжих кудрей. — От «Мьюзик Рекордс», качество супер. Берешь десяток, уступаю по три двести.

Ага, прямо десяток у вас, так я и поверил! Даже если устроить тут грандиозный шмон силами спецназа и перетряхнуть все снизу доверху, импортных птичек с Киркоровым наверняка найдется не более трех экземпляров: один для витрины, один для прилавка и еще один, чтобы втереть очки налоговой. В России только очень крупные фирмы используют привозные болванки, и то для мизерных коллекционных тиражей. С каждой зарубежной птицы надо ведь еще отстегивать денежку и Ростамож-

не, и Ветнадзору, и Минкульту, и Никите Сергеичу. Так что массовые тиражи на импортных носителях пишут крайне редко — больно уж маржа смешная. Без левака производитель наварит пять копеек с рубля, а с леваком все пятьдесят. Ну и какой дурак откажется от сверхприбылей? Законопослушные торговцы музыкой — такая же абракадабра, как отрицательные числа. В школе мы их проходим, но в реальной жизни они не встречаются.

— Вы это серьезно? — спросил я, кивая на лицензионного какаду.

— А что? — Рыжий по-прежнему ломал комедию. Не все фигуры ритуального танца первого знакомства были пройдены. Я-то думал, что он сам сократит церемонию. Но раз нет, придется ему помочь.

— Был очень рад с вами поболтать, — объявил я и начал приподниматься. — Увы, мне пора. Извините, дела.

— Спокойнее, спокойнее. — Рыжий примирительным жестом усадил меня обратно. — Какая у нас нервная, однако, молодежь. Чуть что им не так, сразу на дыбы... Ты куда-то сильно торопишься?

— Двадцать первый век — век скоростей, Евгений Петрович, — напомнил я менеджеру. — Семь с половиной тысяч километров от Москвы до Нью-Йорка дирижабль «Андрей Рублев» пролетает всего за тридцать шесть часов. А я в вашем уважаемом магазине уже скоро полчаса, и мы с вами пока не сдвинулись ни на метр. Это обидно.

Рыжий менеджер глянул на меня испытующе. Я на него в ответ — честно-пречестно. Порядочная девушка, как известно, при первом свидании только присматривается и никогда не соглашается. Те же правила стараются соблюсти и торговцы пираткой: когда есть время прощупать незнакомого дилера, риск напороться на инспекцию уменьшается вдвое. С другой стороны, долго хранить крупную партию левака — тот еще геморрой. Во-первых, носители требуют ежедневного ухода. Во-вторых, шила в мешке не утаишь: либо стукнут прохожие, либо хакнут конкуренты. Место здесь людное,

а нюх на свежий помет — не у меня одного. В магазине этом сторожа не держат, замки пустячные — такие даже я, если приспичит, вскрою без специальной отмычки... Короче, в тех случаях, когда новый дилер подозрений не вызывает, процедуру могут ужать. На это я и рассчитывал. Быстрота плюс обаяние — мой стиль.

— Ты, значит, хочешь прикупить Филиппа на родных болванках? — спросил у меня наконец рыжий менеджер.

— Именно так, Евгений Петрович, — ответил я. Лицо мое хранило невозмутимость, но душа пела. Процесс пошел, я в игре!

— Тогда тебе надо знать наши условия. Мы торгуем из расчета четыреста пятьдесят за птичку, стало быть, в количестве — по четыреста. Предоплата сто процентов. Вы берете у нас не меньше десяти и ставите у себя в розницу примерно по семьсот. Цену особо не задирайте. Дело, конечно, ваше, но товар подвиснет. Демпинговать не советую: вы на рынке не одни. Согласен?

— Очень заманчиво, дядя Женя, — сказал я. — Отпускная цена божеская, а с демпингом у нас строго, не волнуйтесь. Я готов взять партию хоть сейчас, налик есть. Дело за малым — надо проверить качество фонограммы. Как бы мне образец послушать?

До сих пор мы ходили у закона по краешку, но не переступали его. Разговоры ненаказуемы, зато живой образец — реальный шаг к криминалу. Однако сказавши «а», ты не можешь остановливаться на первой букве алфавита. К тому же состязание по гляделкам я могу выиграть даже у своего шефа, а здешнего перегляжу и погавно.

— Образец ему сразу... Ишь быстрый какой! — заворчал рыжий, но больше по инерции. — Ладно, жди, сейчас вынесу демоверсию.

Из нашей комнаты дядя Женя переместился в соседнюю. Хотя дверь он прикрыл плотно, на слышимость это не повлияло. Сперва до меня донеслись шум многих крыльев, карканье, похожее на старческий кашель, и скрежет когтей по металлу. Потом прорезался знакомый

мый тенор, который с печальной хрипотцой сообщил о том, что у него устали ноги и что пока он сидит под деревом, играет на гитаре, а затем опять пойдет куда-то — влюбленный и безумно одинокий.

Мысленно я возликовал: весь товар прямо за стеночкой! Теперь бы еще узнать, сколько его там, — и можно раскрывать карты.

Через несколько минут дядя Женя возвратился с железной клеткой самого что ни на есть простецкого пошиба. Между этим решетчатым казематом из прутьев и позолоченным дворцом работы Арт. Лебедева сходства было не больше, чем между двумя жильцами клеток. Белый импортный носитель выглядел преуспевающим и довольным, а черный отечественный — грустным и неухоженным. Ворон был довольно скромного размера. Грязно-серое перышко в левом крыле носителя смахивало на неопрятную седину бомжа.

— Какой-то он мелкий и обшарпанный, — вслух пожаловался я. — Вся партия, что ли, такая? Тогда, может, скинете еще двадцаточку с клюва?

— Ну да, размечтался! — буркнул дядя Женя. — Больше никаких скидок, хорош. Все болванки в норме, тест-драйв прошли в штатном режиме. И вообще, я не понял: тебе саундтрек нужен или экстерьер?

— В идеале и то и другое бы не помешало, — вздохнул я, — но за четыреста рэ, догадываюсь, чудес не бывает. Давайте слушать.

Дядя Женя извлек из ящика стола двузубую вилку камертона и трижды, с интервалом в секунду, провел им по железным прутьям клетки ворона — дррынны! тррынны! бррынны! После первого раза носитель встрепенулся, после второго тревожно завертел головой, а после третьего щелкнул клювом и начал, слегка заикаясь:

— П-предупреждение. Д-данная а-аудиопродукция я-является с-сертифицированной. В-все п-права з-защищены...

Каждая пиратская запись начинается с этого наглого вранья, которое раз за разом озвучивают сами произво-

дители контрафакта. Уловка гениальна по своей простоте. Несколько лживых фраз — и в законе пробита брешь: покупатель контрафакта перестает быть соучастником и тут же становится обманутым потребителем. Что характерно, обе стороны играют в одни ворота. Пиратка небрежно притворяется фирмой, а гражданин у лотка косит под простачка. Делает вид, гад, будто верит, что за бросовую цену получает легальный продукт. Разве он, гражданин, обязан разбираться в носителях? Попробуй, инспектор, придерись. Не лицензия? Ай-ай, какие жулики! Пойду ли с заявой в суд? Не-а, возиться неохота.

— Оболочку промотайте, — потребовал я, — и перейдем уже сразу к Филиппу. Какой там у него самый раскрученный хит? «Зайка»?

Память пернатых устроена так, что на нужную дорожку можно выйти сразу — или по названию песни, или по любому из ключевых слов. А если у тебя хороший слух, ты можешь просто наслышаться мелодию.

— Зай-ка, — произнес менеджер по слогам, наклоняясь к прутьям.

Ворон, который тем временем добрел уже до «о-ответственности з-за н-незаконное т-тиражирование», поперхнулся. Умолк, откашлялся, потоптался по клетке и завел голосом Киркорова:

— Зайка моя, я твой зайчик, ручка моя, я твой пальчик...

Судя по звуку, дорожку писали с качественной промокопии. Тембр был на уровне, низкие частоты проработаны на твердую четверочку.

— Недурно, — признал я, — а теперь чего-нибудь про любовь.

— Лю-бовь, — подсказал ворону дядя Женя.

— ...любовь безумной птицей разобьет твое окно, — откликнулся носитель. Вид у него был недовольный, даже презгливый. — Снова буду тебе сниться, буду сниться все равно, эх, все равно...

Вот почему наши певцы предпочитают импортные носители, думал я, глядя на ворона. Попугай своим ви-

дом демонстрируют респект, а вороны — те наоборот. В их манерах поп-звездам чудится некий вызов. Хотя на самом деле птичкам пофигу, что именно запоминать и что исполнять. Мудреные тексты или простые — все усваиваются одинаково... но продаются, конечно, по-разному. Мне еще не встречались, например, пиратские записи аудиокниг. Ну, по крайней мере, книг для взрослых. То, что чуть сложнее Сергея Михалкова и Агнии Барто, массовым спросом у нас в стране не пользуется.

— Все, отключайте его, беру, — сказал я. — Пока десять, как договаривались, а вечером подгоню тачку побольше и возьму еще дважды по столько. Найдется к вечеру еще десятка два Филиппков?

Вопрос я задал самым небрежным тоном, на какой был способен.

— Найдется, без проблем, — успокоил менеджер. Обеими руками он приподнял воронью клетку-каземат и чуть встряхнул ее. Носитель, щелкнув клювом, умолк на середине слова «сердце». — Товар свеженький, только вчера завезли. Хоть сотню бери, хоть три...

С этой минуты можно было уже не шифроваться. Я сделал лицо кирпичом, вынул удостоверение и представился по форме:

— Иннокентий Ломов, Федеральная инспекция по авторским правам. Вы обвиняетесь в хранении и распространении контрафактной продукции. Выдадите ее добровольно или окажете сопротивление? Сопротивление, напоминаю, карается сроком до трех лет.

Пират пирату рознь. За время службы я успел привыкнуть к самым изощренным матюкам при исполнении. Были в моей практике и два случая небольшой потасовки с мелким членовредительством. Однако дядя Женя, надо отдать ему должное, оказался на высоте. Тратить силы на пустую брань и тем более на рукоприкладство он не стал, а первым делом накинулся на предъявленный документ: тщательно сравнил лицо с казенной литографией, деловито изучил подписи и, вооружившись лупой, проверил печать. Придраться было не к чему. Уж

тут не подкопаешься, дорогуша, я теперь ученый. В самом начале моей работы один ловкач сумел меня отфутболить из-за чепухи — у нас в отделе кадров забыли продлить срок действия удостоверения.

— Ну ты орел, Иннокентий Ломов! — сказал он, возвращая мне документ. Даже через силу улыбнулся. — Подловил, как ребенка. А ведь у меня, ей-богу, сразу екнуло в желудке: больно уж рожица у тебя открытая. Не иначе, думаю, кидала. Я-то, грешным делом, больше боялся, что ты мне куклу всучишь вместо бабок, или будешь трясти липовой ксивой, или как-нибудь еще по-пробуешь развести на динамо... Но про то, что ты натуральный инспектор, — нет, врать не буду, сроду бы не догадался. Ладно, леший с тобой, сочиняй свой акт. Сопротивления не окажу, я ж не идиот.

Два листка акта выдачи с вложенным между ними листом копирки были у меня уже заготовлены. Я даже графы заранее заполнил на три четверти — оставалось только вписать имя злоумышленника и две строчки сведений о характере и количестве левака. После чего нарушитель конвенции должен был оставить внизу свое факсимиле, а я опечатать склад и отбить победную депешу в ФИАП. Работы минут на двадцать или от силы полчаса. Расчехлив новенький служебный «паркер», я приступил к самой приятной на сегодня церемонии.

— Мною... — начал я. — Диктуйте фамилию, имя, отчество...

— Шишкарев Евгений Петрович, — подсказал рыбий. Не так уж он, однако, был невозмутим, каким хотел показаться. Краем глаза я заметил, что пальцы менеджера нервно танцуют по столешнице и передвигают взад-вперед клетки с фирменными попугаями.

— Мною, Шишкаревым Евгением Петровичем, — я аккуратно вписал его данные, — в ходе проверки оптово-розничной торговой точки ООО «Сиди и слушай» была добровольно выдана инспектору ФИАП Ломову Иннокентию Викторовичу нелицензионная аудиопро-

дукция в количестве... Вы ведь не отрицаете, что товар контрафактный?

— Не отрицаю, — уныло согласился со мной рыжий менеджер. Он машинально дрынькнул длинным ногтем вверх-вниз по прутьям клетки с образцом и пожаловался встрепенувшемуся ворону: — Эх, птица божия, сгорел я, как свечечка. Как свечка...

Отечественный носитель, вообразив, будто ему дана команда на исполнение, тотчас же отозвался на ключевое слово из репертуара Филиппа. И дисциплинированно гаркнул во все вороново горло:

— ...свечка! Ты генерал, я погоны! Ты паровоз, я вагоны! Крестик ты мой, я твой нолик! Ты мой удав, я твой кролик! Ты побежишь, а я рядом! Ты украдешь, а я сяду!..

Никогда прежде я не слушал Киркорова на максимальной громкости — у меня аж уши заложило. Эффект от вокала оказался до того силен, что на складе через стенку проснулись, завозились, застонали и захлопали крыльями все прочие собратья по Филиппу. Мне почудилось, что там, за стеной пронесся мощный порыв ветра, от которого дружно зазвякали оконные стекла.

— Тихо! Цыц! — прикрикнул я на оглушительную птичку, призывая к порядку и носителя, и его владельца. — Евгений Петрович, гражданин Шишкарев, отключите фонограмму! Ну! Если вместо вас это сделаю я, придется вписать в акт строчку о саботаже. Хотите?

Гражданин Шишкарев опять встряхнул клетку с вороном, и тот, к моему облегчению, прекратил пытку «Зайкой». Я опять мог вернуться к служебным обязанностям. На чем же я остановился? Как голова трещит! А, вижу, третья строка сверху не заполнена.

— Значит, контрафактный товар в количестве... — Я сделал паузу, ожидая немедленной подсказки. — Ну? Сколько их у вас?

— Сколько? Их? — переспросил рыжий менеджер, к чему-то напряженно прислушиваясь. — Не понял: сколько чего?

— Ну не пирожков же с капустой! — рассердился я. — Носителей, разумеется. Мне нужно точное количество экземпляров. У меня в руках стандартная форма акта, и вам уж она наверняка знакома. Вот, третья строка сверху. Повторяю еще раз: сколько у вас контрафактных записей? Или мне самому пойти пересчитать?

— Прости, задумался о своем, — сказал рыжий. И вдруг ни с того ни с сего хихикнул. — Так ты хочешь знать, сколько штук? Ставь в графе единицу, а рядом прописью — «один экземпляр».

— Сколько-сколько-сколько? — Мне показалось, что я ослышался.

— Один! — с удовольствием повторил менеджер, указывая пальцем на грустного ворона в клетке. — И он, как видишь, перед тобой. Чистосердечно признаюсь, да, ошибочка вышла, один экземпляр контрафакта случайно затесался. Это, насколько я знаю, мелкое административное правонарушение. Штраф до двухсот рублей...

— Что значит «один»? — Я даже ошалел от такой внезапной и, главное, немотивированной наглости дяди Жени. Ведь еще минуту назад рыжий был покладистым и пущистым. Мозги у него, что ли, заклинило от огорчения? — Гражданин Шишкарев, вы меня тут за дурачка не держите. Мы только что говорили о партии товара...

— Так это... — развел руками гражданин Шишкарев. — Ну типа пошутил я. Чувство юмора у меня безобразное, факт. Вижу, паренек пришел за болванками, вот я и решил тебя чуток разыграть. Я ж не знал тогда, что ты из ФИАП. Иначе бы ни за что не осмелился...

— А ну бросьте придуриваться! — одернул я рыжего. — Не усугубляйте вины. Я посчитал пустую тару у вас во дворе. По самым грубым прикидкам, контрафакта здесь тысяч на двести, а это уже считается «в особо крупных», имейте в виду... И кстати, вынести со склада ничего не удастся. У меня все под контролем.

— Уважаемый Иннокентий Викторович, ты глубоко ошибаешься, — вкрадчивым голосом произнес рыжий. — Никто ничего никуда не выносит. Потому что,